

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

«Допустить к защите»
Зам. руководителя сектора эстетики,
к.ф.н., с.н.с. Аронсон Олег Владимирович

(подпись)
«___» _____ 20__ г.

Узарашвили Лана Мамуковна

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ**

**«Эстетика эпохи Антропоцена:
от пластических искусств к пластичности жизни»**

по направлению 47.06.01. Философия, этика и религиоведение
направленности (профилю) 09.00.04. Эстетика

Научный руководитель:

к.ф.н., в.н.с., руководитель сектора эстетики Института философии РАН
Петровская Елена Владимировна

Рецензенты:

к.ф.н., ассистент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Ханова Полина Андреевна;

к.ф.н., н.с. сектора эстетики Института философии РАН Липов Анатолий Николаевич

Дата защиты:

«___» _____ 20__ г.

Оценка: _____

Протокол ГЭК № ___ от _____ 20__ г.

Москва, 2022

Содержание

Введение	3
Актуальность темы исследования	3
Степень разработанности проблемы	4
Объект и предмет исследования	4
Цель и задачи исследования	7
Теоретико-методологическая основа исследования	8
Научная новизна исследования	10
Положения, выносимые на защиту	10
Теоретическая и практическая значимость исследования	11
Апробация результатов исследования	11
Структура исследования	12
Основное содержание работы	13
Глава 1. Антропоцен: геологическая эпоха и философская парадигма	13
Глава 2. Пластичность как парадигма рассмотрения жизни в Антропоцене	18
Заключение	25
Список использованной литературы	26

Введение

Актуальность темы исследования

Антропоцен — неофициальный термин, которым обозначается новая эпоха в истории Земли, где обнаруживается никогда ранее не наблюдаемая степень влияния человеческой деятельности на геологический состав планеты. Антропоценом называют также концептуальную рамку междисциплинарных исследований, предметом анализа которых служат проблемы влияния человека на Землю. Проблематика антропоцена широко обсуждается в современной западной академической среде. Термин «антропоцен» был предложен экологом Ю. Стормером в 1980 году, и постепенно стал обретать популярность, начиная с 2000 года, — когда химик и метеоролог П. Крутцен заявил, что человечество вошло в новую геологическую эпоху¹. Её отличает совершенно новое состояние природы, в котором наблюдается глубокое и беспрецедентное влияние деятельности человека. Предпосылки к созданию термина обнаруживаются еще в «Очерках геохимии» В.И. Вернадского. Он писал: «Мы видим удивительную быстроту роста геохимической работы человечества. Мы видим все более яркое влияние сознания и коллективного разума человека на геохимические процессы. Человек ввел в структуру планеты новую форму действия живого вещества на обмен атомов живого вещества с косной материей. Раньше организмы влияли на историю только тех атомов, которые были нужны для их роста, размножения, питания, дыхания. Человек расширил этот круг, влияя на элементы, нужные для техники и для создания цивилизованных форм жизни. Человек действует здесь не как *Homo sapiens*, а как *Homo sapiens faber*»².

Признание нового состояния Земли влечет за собой философские проблемы, перед которыми становятся современные исследователи. Поскольку антропоцен — это и название современной геологической эпохи, и

¹ *Crutzen P.J. The «Anthropocene» // Ehlers E., Krafft T. (eds.) Earth System Science in the Anthropocene. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. P. 13-18.*

² *Вернадский В.И. Очерки геохимии. М.: Наука, 1983. С. 257.*

исследовательская рамка, он ставит вопрос о новом статусе человека как геологического агента³. За этим следует пересмотр общей онтологической картины мира, в которой отмечается переход от состояния глобальности к планетарному существованию. Планетарность — это понятие из философии антропоцена, где последний признается как новый опыт жизни, в котором природные и общественные процессы рассматриваются как динамический процесс образования и разрушения форм, в котором каждый участник — от растений до общественных единиц — играет равную роль⁴. В рамках антропоцена преодолевается дихотомия природы и культуры, в результате чего на первый план выходит чистая материальность мира, который сам сказывается о себе, в частности — отпечатывается и на человеческих организмах. Такой взгляд на материю — как на саморазвивающуюся и неиерархизированную пластину мира — трансформирует представления о человеческой чувственности, и, как следствие, сам предмет эстетики.

Этот поворот предполагает выстраивание генеалогии понятия пластичности в истории философии и эстетики⁵, которое предстает инструментом для продуктивного анализа современных представлений о жизни в исследовательской программе антропоцена.

Степень разработанности проблемы

В зарубежном академическом поле проблематика антропоцена активно исследуется, развиваются различные критические подходы внутри этих исследований, а их результаты интерпретируются и раскрываются в рамках современного искусства. На данный момент существует немалое количество

³ *Malabou K.* The Brain of History, Or, the Mentality of the Anthropocene // *South Atlantic Quarterly*. 2017. Vol. 116. № 1. P. 39–53; *Yuzoff K.* A Billion Black Anthropocenes or None. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 124 p.

⁴ *Haraway D.J.* Symptomatology: Symbiogenesis and the Lively Arts of Staying with the Trouble // *Haraway D.J.* Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene. Durham, London: Duke University Press, 2016. P. 58–98; *Spivak G.C.* Imperative to Re-Imagine the Planet // *Spivak G.C.* An Aesthetic Education in the Era of Globalization. London: Harvard University Press, 2012. P. 335–351.

⁵ *Malabou C.* The Future of Hegel. Plasticity, Temporality and Dialectic. London, New York: Routledge, 2005. 296 p.

академических журналов, посвященных исследованиям антропоцена. Среди них можно отметить журналы «Anthropocene», «Anthropocene Science», «The Anthropocene Review», «Elementa: Science of the Anthropocene» и др. Также существуют академические программы под названием Anthropocene Studies, в рамках которых исследуется и изучается проблематика, развитая в настоящем исследовании. Проблематику антропоцена следует разделить на обобщенные группы, в рамках которых можно выделить наиболее значимые исследования — в частности, для данной работы.

Наибольшее влияние на данное исследование оказали теоретические разработки К. Малабу — прежде всего те, что касаются понятия пластичности. Её концепция пластичности является наиболее проработанной среди всех существующих и представляет собой целостную объяснительную модель, опирающуюся одновременно на философский аппарат и на результаты новейших естественнонаучных исследований. Хотя К. Малабу и не причисляется к классическим теоретикам антропоцена, её концепция пластичности достаточно продуктивна для экспликации и решения отдельных проблем внутри этой исследовательской рамки и ее эстетического измерения. Пластичность в данной работе используется для того, чтобы объяснить, как функционирует материя на разных уровнях — от нейроактивности до механизмов наследования. В сущности, в данной работе предлагается рассматривать единство человека и природы именно на основании пластичности материи — возможности всего принять, придавать и разрушать форму. Так, любой естественный процесс является динамической функцией образования новых форм, а не борьбу за сохранение единственной формы насильственным путем⁶.

В геоисторию и геофилософию с точки зрения антропоцена значимый вклад был привнесён К. Юзофф и Э. Повинелли. В их работах присутствует анализ антропоцена как режима формообразующей власти, распространяющейся не только на область биологического, но и в пространстве

⁶ *Malabou C. Future of Hegel. Plasticity, Temporality and Dialectic. London, New York: Routledge, 2005. P. 11.*

геологического. К. Юзофф удалось эксплицировать связь между расой, геологией и пониманием материальности. Э. Повинелли предложила продуктивный анализ соотношения живого и неживого и развернула подробный анализ понятия геонтологии, которая, с ее точки зрения, на сегодняшний день имеет больше влияния на жизнь, нежели биополитика или некрополитика. Ее разработки оказываются полезными для рассмотрения влияния капиталистической эксплуатации природы и людей и фигурами геонтовласти⁷.

Также для критического анализа причин антропоцена важна анархистская философия природы, которая в данной работе представлена П. Кропоткиным, Э. Реклю, М. Букчиным и А. Нессом. Поскольку антропоцен понимается как геологическая эпоха, в которой следы пагубной деятельности человека беспрецедентны, логичным является вопрос: «Действительно ли человек настолько возвеличен в природной иерархии, что может позволить себе разрушать окружающую среду, не опасаясь за свою жизнь?». Анархистская философия природы отвечает на это доказательствами того, что устойчивость вида обеспечивается не за счет его власти над всеми остальными, а за счет кооперации — как внутри вида, так и за его пределами. Борьба идет исключительно со средой, а не между особями или видами. П. Кропоткин и М. Букчин предложили подробный анализ того, как изобретаются иерархии на уровне общества, а затем, исходя из натурализации этих убеждений вместе с развитием государств и частной собственности, привносятся в теории о природе и эволюции. М. Букчин и вовсе считал, что природа и есть эволюция сама по себе — т.е. динамический процесс развития.

От анализа иерархических интерпретаций природы стоит перейти к анализу понятия «планетарности», предложенного Б. Латуром, Г. Спивак, П. Рид и Д. Харауэй. Это понятие занимает важное место в философии антропоцена, поскольку в нем отражается идея «приземленности» субъекта —

⁷ «Промышленный капитал зависит от государств и вместе с ними энергично следит за разделением между формами существования, так что определенные виды сущего могут подвергаться различным видам извлечения». (Povinelli E. *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham, London: Duke University Press, 2016. P. 20.)

которая должна прийти на смену классическому представлению о дуализме субъекта и объекта. Вместо этого авторы предлагают рассматривать мир как сложную сеть отношений и пересечений. Д. Харауэй предлагает понятие «симпозиса». Оно заключается в том, что жизнь (организмы) производится путем взаимодействия нескольких элементов, т.е. в результате совместного производства.

Еще одним важным теоретическим полем является деколониальный анализ антропоцена. В настоящей работе был сделан акцент на понятии западной модерности, подробно проанализированным В. Миньоло и А. Кихано. «Темная сторона модерности» — термин, предложенный В. Миньоло для описания того, что было скрыто в истории прогресса западных обществ, начиная с эпохи Возрождения. А именно колониальное насилие и рабство. А. Кихано подробнее останавливается на связи между расизмом, рабством и легитимацией подчинения природы. М. Либуарон развили анализ пересечения между колониализмом и экологическим кризисом, показав, что загрязнение как феномен является по своей сути колониальным, поскольку опирается на возможность экспроприировать и загрязнять земли, принадлежащие коренным народам.

Объект исследования: философские, эстетические и историко-культурологические теории антропоцена.

Предмет исследования: понятие пластичности, предложенное К. Малабу, и его интерпретация с точки зрения эстетической проблематики антропоцена.

Основная **цель исследования:** осуществить анализ проблематики антропоцена с точки зрения пластичности жизни.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи:**
— изложить и проинтерпретировать основные проблемы, поднимаемые в философии антропоцена;

- исследовать критику классических концепций природы и представить анархистские концепции природы, применимые для анализа антропоцена;
- раскрыть необходимость преодоления дихотомии природы и культуры в рамках эстетики антропоцена;
- эксплицировать значение понятия пластичности и эпигенетического понимания жизни для эстетики антропоцена.

Теоретико-методологическая основа исследования

В данном исследовании были использованы два подхода для анализа проблем в современной философии в рамках исследований антропоцена: историко-философский и философско-эстетический. Также в работе использован герменевтический подход при разборе ряда понятий и литературных источников.

С одной стороны, в исследовании эксплицированы важные для решения поставленных задач сюжеты из истории и культуры, которые служат основой для анализа современных экологических проблем. С другой стороны, исследование включает философскую часть, в рамках которой предлагается переосмысление классических концепций природы, материи и человека. Опираясь на понятие пластичности К. Малабу и аналитический аппарат, характерный ее философской системе — соединение естественнонаучных методологий с философским анализом — в исследовании предлагается глубокий анализ причин современного экологического кризиса, а также формулирует новые значения природы и человека с опорой на концептуальный инструментарий исследований антропоцена.

Методологической основой для исследования в данной научно-квалификационной работе стали труды К. Малабу, Д. Харауэй, К. Мерчант, К. Юзофф, посвященные как анализу современной экологической ситуации, так и философскому осмыслению более фундаментальных вопросов относительно статуса природы, животных и человека в сложившейся культурной и философской традиции на Западе. Среди русскоязычных авторов, на трудах

которых основано данное исследование, можно выделить П. Кропоткина. Его концепция «взаимопомощи» послужила связующим звеном между проблематиками самого антропоцена, теорией эволюции и анализом колониализма.

Междисциплинарная методология данного исследования предполагает также обращение к аппарату естественных наук. В первой главе материалом для обоснования симпоэтического характера природы служит концепция симбиогенеза Л. Маргелис, раскрытая в ее книге «Роль симбиоза в эволюции клетки». Во второй главе данного исследования более подробно эксплицирована естественнонаучная методологическая часть, поскольку в ней детально разобрана концепция пластичности — в том числе и нейропластичности, которая занимает важное место в философской системе К. Малабу. Также, вслед за Малабу, в главе представлено подробное рассмотрение эпигенетических исследований и анализ современного эпигенетического поворота как в биологии и экологии, так и в философии. Эпигенетика также является свидетельством пластичности природы и человека. Эта интуиция, которая служит результатом проведенного исследования, является основным выводом данного исследования.

Несмотря на то, что тема исследования обращена к эстетическим аспектам эпохи антропоцена, работа представляет более широкое понимание эстетического. Поскольку работа является междисциплинарным исследованием и располагается внутри методологической рамки антропоцена, экспликация эстетической части происходит посредством обращения к понятию человеческого — как глубоко вплетенного в мировую ткань материи. По замечанию теоретиков Х. Дэвис и Э. Турпина: «Антропоцен — это, прежде всего, чувственное явление: опыт жизни во все более уменьшающемся и токсичном мире»⁸. Не будучи посвященной искусству и узкоэстетической проблематике работа предлагает рассмотрение неких базовых установок эстетики антропоцена как эпохи трансформации человека и, соответственно, его чувственности.

⁸ *Davis H., Turpin E. Art & Death: Lives Between the Fifth Assessment & the Sixth Extinction // Art in the Anthropocene. Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies / H. Davis, E. Turpin (eds.). London: Open Humanities Press, 2015. P. 3.*

Научная новизна исследования заключается в том, что проблематика антропоцена впервые рассматривается сквозь призму концепции пластичности К. Малабу. В работе предлагается новое понимание эстетического с учетом современных данных и концепций о взаимоотношениях человека с окружающей средой, в рамках которых человек рассматривается как геологический агент. В то же время, в исследовании подчеркивается невозможность иерархичного рассмотрения природы — поэтому человек, благодаря своей пластичной природе, как влияет на природные процессы, так и является их производным. Это положение позволяет выделить новые способы толкования чувственного опыта — переживание единства природного и социального, живого и неживого в природе, равенства в природе и обществе. Настоящее исследование является первой попыткой широкого междисциплинарного анализа антропоцена в рамках русскоязычной философской и эстетической традиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Пластичность является продуктивной рамкой для определения современных тенденций в эстетике, которая исследует чувственный опыт исходя из влияния на него окружающей среды.
2. Взаимоотношения человека и окружающего мира не предполагают иерархии на уровне природы, она возникает искусственным способом — из установленных социальных институтов.
3. Необходимо признать планетарность как основной режим существования мира, в рамках которого размываются субъект-объектные отношения, человек признается одним из множества агентов внутри природной цепи, а производство новых форм жизни зависит от симпозиса.
4. Западная модерность является наиболее концентрированным этапом развертывания антропоцена, следовательно, ее «темная сторона» (по В. Миньоло) — капитализм, расизм, колониализм — является основной причиной экологического кризиса.

5. Эпигенетический поворот в исследовании человеческой природы также производит трансформацию эстетики как дисциплины.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что работа предлагает проработанный инструмент для анализа основных проблем современной философии. В ней предлагается рассмотрение этих проблем не только с позиций философии и эстетики, но также и биологии, экологии, культурологии и истории. В проведенном исследовании сформулирован ряд выводов, которые могут быть полезны для подготовки академических программ, посвященных экологической философии, энвайронментальной эстетике, а также современным материалистическим теориям.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы научно-квалификационной работы обсуждались:

- 1) На семинаре и заседаниях сектора эстетики Института философии РАН;
- 2) Публичной лекции в архитектурной школе МАРШ на тему «Rethinking Nature» (9 сентября 2020);
- 3) На круглом столе «Социальные аспекты современной эстетической теории» совместно с кафедрой эстетики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (19 февраля 2021 г.);
- 4) В рамках «Международного теоретического семинара «Роза Люксембург — мыслитель и революционер (150-летию Розы Люксембург посвящается)» с докладом на тему «Понятие пластичности в философии К. Малабу» (Центр современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 6 марта 2021 г.);
- 5) На конференции «Divergent Temporalities: Capitalism and the Conquest of Space-Time. An interdisciplinary approach to temporal changes in global peripheries (18th – 21st centuries)» с докладом на тему «Decolonizing

Evolution: Peter Kropotkin's Concept of Time») (Panteion University, 26 мая 2022).

В журналах из списка ВАК РФ по специальности «Эстетика», а также входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus) по теме исследования опубликованы следующие статьи автора:

1. *Узарашвили Л.М.* Понятие пластичности в философии К. Малабу: принимать, придавать и разрушать форму // *Философская мысль*. 2021. № 2. С. 1–10. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.2.35061. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35061.
2. *Узарашвили Л.М.* Материализм П.А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности // *Международный журнал исследований культуры*. 2021. № 4. С. 56–68. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_4_56. URL: <https://culturalresearch.ru/article/materializm-p-a-kropotkina-ekologiya-antikolonializm-i-estetika-obshhnosti/>.
3. *Узарашвили Л.М.* Состояние Антропоцена: от онтологии глобальности к планетарному существованию // *Международный журнал исследований культуры*. 2022. № 2. (в печати)

В других изданиях были опубликованы следующие статьи по теме исследования:

1. *Узарашвили Л.М.* Биологическое как ресурс феминистского сопротивления // *Гендерные исследования*. 2020. № 24. С. 309–320.
2. *Феррандо Ф.* Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах / Пер. с англ. Л.М. Узарашвили // *Логос*. 2022. № 1. С. 123–166. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-1-123-161.

Структура исследования

Научно-квалификационная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографии, включающей 141 источник. Общий объем работы 149 страниц.

Основное содержание научно-квалификационной работы

Во **введении** вводится само понятие антропоцена, описываются его истоки и значение для философии и эстетики. А также в нем обоснована актуальность темы исследования, описывается степень ее разработанности, определяются цель и задачи, предлагается объяснение теоретической и научно-практической значимости и теоретико-методологической основы исследования. Производится выбор предмета и объекта исследования. Формулируются положения, выносимые на защиту, а также изложена степень достоверности и апробации результатов исследования.

В **главе 1 «Антропоцен: геологическая эпоха и философская парадигма»** содержится погружение в общий контекст исследований антропоцена, намечаются основные проблемы, понятия и теоретические решения.

В **первом параграфе «Общие теоретические посылки дискурса Антропоцена»** рассматривается специфика понятия «антропоцен» и теоретические посылки философской программы антропоцена. Мы продемонстрировали, что антропоцен — это неофициальный термин, который используется для обозначения геологической эпохи и теоретического дискурса. Так, было приведено обоснование тезиса о том, что Земля вошла в новую эпоху, следующую за Голоценом, и описаны сложности временного определения этой эпохи. Существует исследовательская группа «The Anthropocene Working Group» (AWG), состоящая из 34 человек, которые стремятся разработать формальный стандарт, который будет определять, какие данные являются свидетельством Антропоцена и послужат основанием для его признания. Как говорят члены группы, потенциальных маркеров очень много, но определить, что конкретно станет решающим — сложно. Однако, с их точки зрения, самыми релевантными будут стратиграфические данные, которые укажут на следы в «геологической летописи»: в скалах, тине морского дна и

ледниках⁹. Параграф построен в виде разворачивания аргументов Б. Латура о причинах экологического кризиса, корнящихся в основании западной философии и натурфилософии¹⁰. Первой из них является идея бесконечности Вселенной, которая влекла за собой особенное положение исследователя (человека) по отношению к окружающему миру — как стороннего наблюдателя. Эта тенденция создала представление о мире как глобусе, предстающим перед взглядом человека в виде объекта. Это влечет за собой идею глобального мира — но не общего мира. Д. Харауэй прослеживает связь между таким расположением исследователя и понятием объективности, гарантом которой долгое время считалась бестелесность наблюдателя-исследователя, будто он полностью исключен из материальности мира и наблюдает за ним сверху. Она назвала это «уловкой бога» (god's trick)¹¹. В качестве альтернативы универсалистской модели предлагается воплощенное зрение, т.е. политику «частичных перспектив»: размещение наблюдателя «на Земле», признание ограниченности и специфичности его опыта, рассмотрение его позиции внутри властных отношений, а также принятие на себя ответственности за то знание, которое он производит. Подход Харауэй предлагает соответствующий этому пониманию видения тип знания — ситуативные знания или *расположенные* знания, которые действительно обеспечат объективность результатов познания. Такое знание предполагает и новые отношения с окружающим миром, которое мы определяем как «планетарность». Планетарный мир — это пространство обитания, конкретизируемые определенными практиками и способами говорения, которые устанавливают связь между их содержанием и идентификациями этого содержания, а также отношениями внутри¹². В

⁹ *Subramanian M.* Humans Versus Earth // *Nature*. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02381-2> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁰ *Latour B.* On a Possible Triangulation of Some Present Political Positions // *Critical Inquiry* Winter. 2016. Vol. 4. P. 7-9.

¹¹ *Харауэй Д.* Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы / Пер. Е. Костылева, Л. Агамалова. // *Логос*. 2022. Т. 32. № 1. С. 237–271.

¹² *Reed P.* The End of the World and Its Pedagogies // *Making&Braking*. 2021. № 2. URL: <https://makingandbreaking.org/article/the-end-of-a-world-and-its-pedagogies/> (дата обращения: 14.02.2022).

качестве способа организации такого мира приведен принцип симпоэзиса, развитый Д. Харауэй на основе теории симбиоза Л. Маргулис¹³.

Принцип симпоэзиса перекликается с идеями анархистских философов природы, поскольку позиционирует мир как лишенный естественных иерархий — мир как постоянное сотворчество различных агентов. Чтобы продемонстрировать идеи анархистской философии природы, мы затронули теории естественного состояния Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, поскольку именно их рассмотрение природы явилось объектом критики анархистских теоретиков. Ключевой концепцией для раскрытия позиции об отсутствии в природе иерархии и привнесении ее из социального устройства общества послужила «взаимная помощь» как фактор эволюции П. Кропоткина. Основной принцип, наблюдаемый Кропоткиным в животном мире — это борьба за существование путем взаимной помощи. В этом смысле он продолжает аргументацию Дарвина о том, что одно из важнейших условий выживания — это развитость умственных способностей, обеспечивающаяся за счет установления прочных общественных связей¹⁴.

Следующей причиной экологического кризиса Б. Латур называет колониализм. Обращаясь к постколониальной теории, мы используем понятие В. Миньоло «темная сторона модерности», чтобы показать, что научная революция Нового времени и эпоха Просвещения, основывавшиеся как раз на идее о бесконечной Вселенной, имели ту самую темную стороны в виде рабства и колонизации земель. Колонизация рассматривается как процесс еще большего овладения природой человеком. Почему в дискурсе антропоцена тема колониализма и евроцентризма играет важную роль? Антропоцен — это, прежде всего, разрушение экосистем в тех регионах, где интенсификация использования природных ресурсов и загрязнения окружающей среды намного выше, чем в Европе, США или России. Это происходит потому, что

¹³ *Haraway D.J. Symptoiesis: Symbiogenesis and the Lively Arts of Staying with the Trouble // Haraway D.J. Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene. Durham, London: Duke University Press, 2016. P. 58–98; Маргулис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. М.: Мир, 1983. 352 с.*

¹⁴ *Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.*

большинство вредных производств находится за пределами Европы — в странах, где проживают люди, находящиеся на низших позициях в вышеописанной колониальной расовой иерархии. Страны с самым высоким уровнем загрязнения воздуха, почвы и грунтовых вод — Бангладеш, Пакистан, Индия и Монголия. Экофеминистская активистка и исследовательница Вандана Шива считает, что экологический кризис — это прямое следствие колониализма. В. Шива использует понятие Монокультур Разума, чтобы подчеркнуть пагубное влияние западных моделей агрохимического производства, которое вызывает зависимость стран Глобального Юга по отношению к корпорациям, производящим химикаты¹⁵. Связь между проблемой загрязнения и колониализмом подробно разбирает М. Либойрон в книге «Загрязнение — это колониализм». Центральным тезисом исследования служит утверждение, что загрязнение и колониальные отношения с землей всегда сопутствуют друг другу. Современный колониализм как один из ключевых элементов антропоцена, помимо военного захвата земель, использует земли коренных народов как площадки для различных действий с мусором — поглощения, хранения или переработки отходов¹⁶.

Так, в главе были обозначено, что антропоцен как геологическая эпоха связана с экологическим кризисом, который порожден эксплуатационным отношением человека к природе. В качестве оснований были выделены две наиболее широкие группы причин: 1) натурализация иерархий в природе, где человек находится на вершине и полностью выключенным из материальности мира; 2) колонизация земли и природы.

Во *втором параграфе «Преодоление дихотомии природы и культуры в философии Антропоцена»* выявляется центральное значение ухода от дихотомии природы и культуры в состоянии антропоцена.

Выделение антропоцена как эпохи и осознание связанных с ним проблем разоблачает давнюю иллюзию о том, что «социальное» является сферой

¹⁵ Shiva V. Who really feeds the world? The failures of agribusiness and the promise of agroecology. Berkeley, California: North Atlantic Books, 2016. 196 p.

¹⁶ Liboiron M. Pollution is Colonialism. Durham, London: Duke University Press, 2021. 197 p.

духовного и культурного обмена, изолированной от «грубой материи» — непосредственно материального. Теперь уже невозможно мыслить мир таким образом, поскольку антропоцен демонстрирует геосоциальность мира: геологическое — это не исключительно способ описания пространственного режима, а активный участник политического процесса. По словам Юзофф, от «социо-политических отношений» необходимо перейти к «геосоциальным»¹⁷.

Антропоцен предполагает рассмотрение человека как геологического агента. К. Малабу предлагает понимать не просто человека в качестве геологического агента, но прежде всего его мозг. Малабу обращает внимание на то, что человек всегда был геологическим агентом — именно потому, что «человеческое» и «геологическое» не могут и не должны мыслиться в рамках субъект-объектных отношений. Обычно геологические процессы рассматриваются как нечто внешнее по отношению к человеку, в том числе к его биологии, однако Малабу, при помощи нейронауки, демонстрирует обратное. Взаимодействие мозга и окружающей среды происходит постоянно и основано на изменениях состояний мозга и тела в целом. Для того чтобы существовать в определенной среде, мозгу необходима зависимость (addiction) — она воплощается в значительных изменениях психики, благодаря которым мозг как бы адаптируется к среде. Так, на протяжении всей истории человека мозг переживал разные изменения на уровне биохимии и, соответственно, вырабатывал новые формы зависимостей. Это означает, что человек как носитель мозга, с одной стороны, является продолжением мира, как пишет Малабу, «метаболическим местом»¹⁸.

Весьма продуктивным является постгуманистическая критика фукодианской философии К. Барад. Она утверждает, что материалистический подход к анализу природы с необходимостью включает постгуманистическую ревизию отношений между «словами» и «вещами», что означает уход от

¹⁷ *Yuzoff K.* A Billion Black Anthropocenes or None. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 124 p.

¹⁸ *Malabou K.* The Brain of History, Or, the Mentality of the Anthropocene // *South Atlantic Quarterly*. 2017. Vol. 116. № 1. P. 39–53.

репрезентативистской модели, согласно которой слова отражают внеположные им объекты. По её мнению, то, что представляется в словах, не зависит ни от самих слов, ни от практики представления. Барад утверждает, что именно эта «очарованность словами» роднит, как ни странно, научный реализм с социальным конструктивизмом¹⁹. Обе парадигмы исходят из уверенности в том, что у научного знания есть непосредственный доступ к материальной реальности: либо посредством концептуализаций или визуализаций; либо через конструирование. Она пишет: «Уклоняясь от репрезентативистской ловушки геометрической оптики, я переключаю внимание на физическую оптику, на вопросы дифракции, а не отражения»²⁰. Данный уход от бинарной схемы представления природы приводит нас к онтологическим системам, которые основаны на удержании нестабильности и динамизма — то есть постоянного производства дополнительных реальностей, которые формируют альтернативные формы существования, опыты жизни и чувственности.

Для эстетики этот подход имеет большое значение, поскольку чувственность непосредственно зависит от телесности (материальности), и признание динамизма и стирания границы между природой и культурой приводит нас к тезису о том, идея формы как границы — то, что заключает вещи в слова, например — препятствует движению к материи. Так, эстетическое здесь принимает новую форму — это столкновение с уязвимыми полями опыта, трудноуловимыми, постоянно деформирующимися, но отражающимися в телесном опыте человека или животного. Так, тело здесь оказывается по-настоящему «органическим» — впитавшим в себя все эффекты экологического кризиса и его производных.

В главе 2 «Пластичность как парадигма рассмотрения жизни в Антропоцене» рассмотрена генеалогия понятия пластичности в истории философии и эстетики и эксплицируется понятие пластичности К. Малабу, а

¹⁹ Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs // Journal of Women in Culture and Society*. 2003. Vol. 28. No. 3. P. 801–831.

²⁰ Там же. P. 803.

также раскрывается сущность эпигенетического поворота в науках и его влияние на современную эстетику.

В *первом параграфе «Понятие пластичности в философии К. Малабу»* показано, что понятие пластического уходит корнями в античную философию — в частности, в эстетическую теорию, где оно занимало важное место в классификации искусств. Слово *plassein* имеет значение «формировать» или «лепить», но также оно может обозначать фиксацию изменений. В качестве пластических искусств выделяли скульптуру, живопись, архитектуру и графику, и объединяющим их фактором служит пространственное воплощение и возможность визуального наблюдения. Аристотель определял миметизм пластических искусств посредством их способности к подражанию реальности с помощью цвета и положения тел. Платон выделил технические аспекты создания объектов пластических искусств. К ним относятся: смешение цветов, создание конечного продукта из эскиза, стирание и исправление, регулировка пропорций, модификация оттенков²¹. Таким образом, античное понимание пластичности связано с действиями по преобразованию материи или приданию ей формы при помощи внешнего воздействия.

Понятие пластичности эксплицировал И.В.Ф. Гёте в своих сочинениях по естествознанию и эстетике. В его работах пластичность начинает приобретать характер принципа, который реализуется в различных сферах — как в природе, так и в искусстве. Она заложена в устройство живой природы, а также пластичным должен быть субъект, обращающийся к её исследованию. Гёте пишет: «Если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного...»²², а также: «Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же

²¹ Halliwell S. The Aesthetics of Mimesis. Ancient Texts and Modern Problems. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002. 424 p.

²² Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во Академии наук, 1957. С. 12.

подвижность и пластичность»²³.

Развитие и более широкое раскрытие понятия пластичности происходит в философии Г.В.Ф. Гегеля, что стало предметом исследований самой Малабу. Важно уточнить, как К. Малабу понимает пластичность. Одно из определений звучит так: «Пластичность самого слова приводит к крайностям — как к конкретным контурам, в которых кристаллизуется форма (скульптура), так и к уничтожению всякой формы (бомба)»²⁴. Таким образом, пластическое можно понимать, с одной стороны, как то, что принимает и связывает, а с другой стороны — как то, что может разрушить или разрушиться. Пластичность — это способность принимать, придавать и разрушать форму. Позднее К. Малабу обратилась к исследованиям в области нейронаук и обнаружила схожесть между философской пластичностью, которую она описала в своей диссертации, с нейропластичностью. Как система Гегеля, так и мозг обладают свойством самотрансформации через самоформирование — это является объединяющим звеном в двух обозначенных сферах. Идея о нейропластичности исходит из гипотезы нейропсихолога Д. Хебба о том, что прохождение сигналов в нейронных синапсах усиливает связи между нейронами, а соединения, которые не используются, становятся слабее. Это два главных пластических процесса в мозге: длительное потенцирование и длительное подавление. Два нейрона соединяются синапсом, но в его центре находится щель, через которую проходит жидкость — нейромедиатор. Прохождение этих сигналов в нейронных синапсах усиливает связи между нейронами, а соединения, которые не используются, становятся слабее. Малабу цитирует фразу невролога Д. Леда «Вы есть ваши синапсы» с целью указать на то, что сохраненная в различных подсистемах мозга синаптическая активность является составной частью наших самостей, т.е. нейронных личностей. Синаптическая активность — основание пластичности мозга, а самость — это синтез всех пластических процессов, задействованных в мозге.

²³ Там же.

²⁴ *Malabou C., During L. The Future of Hegel: Plasticity, Temporality, Dialectic // Hypatia. 2000. Vol. 15. No. 4. P. 196–220.*

Применяя это понятие пластичности к сфере эстетики, стоит обратиться к теории мимесиса. Исследователь Н. Лоуту, обращаясь к разработкам Ф. Лаку-Лабарта, утверждает, что мимесис и пластичность являются двумя сторонами одного и того же процесса²⁵. Мимесис появляется у Платона в «Государстве», когда Сократ обсуждает его с точки зрения воспитательной функции мифа. Актеры, драматически разыгрывая мифы на сцене, приобретают функцию формирования субъектов. Здесь мимесис предстает не как простое повторение, а как формирование, однако отличие его от пойезиса состоит как раз в том, что он соединяет уже существующее и нечто новое. Лаку-Лабарт подчеркивает эту психологическую функцию мимесиса как формирующе-деформирующую, наподобие пластичности. С одной стороны, мимесис — это активное действие по оказанию эффекта на человеческую психику, с другой стороны — мифические дискурсы изначально вписаны в пластичный материал детской души. Он подчеркивает «необратимость» любого порождения, а также множественность того, что рождается — одновременно на сцене возникают как модели, так и копии; как субъекты, так и объекты; как вымышленные формы, так и реальные. Поэтому пластичность, в своей функции принятия, придания и разрушения формы, является именно тем принципом, который демонстрирует искусственность форм как таковых. Это работает на уровне эстетического, так и на уровне биологического: биомимикрия и мимесис в искусстве оказываются двумя сторонами одного и того же.

Во *втором параграфе «Концептуализация антропоцена в свете эпигенетического понимания жизни»* мы обращаемся к данным из естественных наук, чтобы определить сущность эпигенетического поворота и эпигенетики как направления в целом, т.к. она является релевантной парадигмой жизни для концептуализации антропоцена и присущей ему эстетики.

Эпигенетика — довольно молодая, но активно развивающаяся область в молекулярной биологии, изучающая механизмы эпигенетического изменения и

²⁵ Lawtoo N. The Plasticity of Mimesis // MLN (Comparative Literature Issue). 2017. Vol. 132. No. 5. P. 1201–1224.

наследования. На данный момент эта область приобрела настолько широкий масштаб, что некоторые из исследователей рассматривают её в качестве новой научной парадигмы (в понимании Т. Куна) именно с точки зрения замены неodarвинистского приоритета в эволюционной теории²⁶. Помимо биологии, эпигенетика и её парадигмальные компоненты используются в других областях — философии, философии науки, психологии, нейронауках, экологии, токсикологии и т.д., а также она обретает актуальность в популярной литературе.

Эпигенетика знаменует собой широкий горизонт новых представлений о жизни, отправной точкой которых является убеждение в том, что ген — больше не основной источник наследственной информации. Так, эпигенетическая парадигма делает акцент на том, что внешние факторы (окружающая среда, питание, психическое состояние родителей, гормоны) в не меньшей степени влияют на экспрессию генов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что живые организмы непрерывно производят себя на протяжении всей жизни и способны передать эти созданные собой или внешними факторами изменения своему потомству. То есть не существует определяющего фактора последовательности ДНК в конституировании особенностей организма, что подтверждается многочисленными исследованиями.

Понятие эпигенетики и эпигенеза активно используется К. Малабу, которая применяет парадигму эпигенеза, чтобы объяснить свое представление о трансцендентальном и раскритиковать попытки современных философов отказаться от трансцендентального. Согласно эпигенетической картине мира, отношения между трансцендентальным и эмпирическим развиваются с течением времени, при этом они не хаотичны, у этого развития есть своя логика. Тем не менее, их отношения не являются заданными раз и навсегда. Для Малабу эпигенез не находится ниже или после генеза, он является самостоятельным автономным процессом. Таким образом, она использует эту парадигму, чтобы отойти от механистического и математического представления о жизни в сторону органического, применяя открытия

²⁶ *Deichmann U.* Epigenetics: The origins and evolution of a fashionable topic // *Developmental Biology*. 2016. Vol. 416. P. 249–254.

эпигенетики к процессам в философии и постулируя, что трансцендентальное тоже способно к самотрансформируемости²⁷.

Применительно к антропоцену, можно выделить множество исследований, посвященных вопросам влияния экологических факторов на модуляцию и поддержание эпигенетических изменений. Экологов интересуют эпигенетические процессы, которые могут объяснить фенотипические вариации, наблюдаемые у естественных популяций, которые не могут быть поняты исходя из различий в последовательностях ДНК. Также эпигенетика позволяет понять механизмы фенотипической пластичности — то есть адаптации к среде и её изменения самими организмами²⁸. Наследуемые эпигенетические изменения могут влиять на поведение животных, у чего есть серьезные эволюционные последствия. Благодаря эпигенетическим механизмам животные способны сопротивляться экологически неблагоприятным условиям и увеличивать свой эволюционный потенциал, также было выяснено, что эти механизмы играют важную роль в видообразовании. Эпигенетическая экология исследует проблемы того, как экологические изменения, прежде всего токсикация окружающей среды, провоцируют эпигенетические мутации, которые, в свою очередь, приводят к долгосрочным эффектам развития, метаболизма, уровня здоровья, а также восприимчивости к определенным патологиям среди потомства.

Мы также можем проследить эпигенетический поворот в эстетике, который трансформирует эту дисциплину как таковую. Сегодня эстетика переходит от логики чувственного познания уже состоявшихся форм к способам контактирования с чистой материей, с тем, что еще не приобрело форму эстетического восприятия. Это выход в зону того, как окружающая среда влияет на наш эстетический опыт на уровне самой пластики жизни. Эпигенетика демонстрирует, как события наследования происходят таким

²⁷ *Malabou C.* Can We Relinquish the Transcendental? // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2014. Vol. 28. No. 3. P. 242–255.

²⁸ *Rossiter M.C.* Incidence and consequences of inherited environmental effects // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1996. Vol. 27. P. 451–476.

образом, что сложно определить, что конкретно унаследовано и как это интерпретировать. Т.е. жизнь предстает в виде постоянной динамики, в рамках которой мир сам высказывается о себе, оставляет отпечатки на человеческих организмах. Касаемо чувственного опыта это можно проиллюстрировать простым примером эксперимента: мыши, которых научили бояться запаха ацетофенона, передают это страх своему потомству и следующему поколению. Страх — это также эстетическое чувство, и на этом примере мы обнаруживаем совершенно новый вид эстетики. Это уже не философия чувственного познания, а эстетика как пластина чувственного опыта, где трудно различимы объект и субъект, природа и культура, сама эстетика и этика или политика.

Заключение

Проведенное исследование выявило значение понятия пластичности для понимания современных экологических проблем и более широкого концептуального поля антропоцена с точки зрения эстетики. Удалось выяснить, что пластичность является универсальным принципом, в соответствии с которым функционируют все живые системы и который задает новое представление об эстетическом опыте, где эстетика перестает существовать в прежнем виде, а становится своего рода «пластиной опыта». Потенциал деэссенциализации в рамках процессуального понимания жизни имеет высокую важность для раскрытия проблематики антропоцена и создания новых теорий, которые занимали бы критическую дистанцию по отношению к тем, что стали базисом для практики по эксплуатации природы и других живых организмов, в том числе и людей.

Также в работе были получены следующие результаты:

1. Было критически проанализировано само понятие антропоцена и были представлены альтернативные способы его использования.
2. Был проведен междисциплинарный анализ проблемного поля антропоцена с использованием новейших результатов исследований в области нейробиологии, физиологии, биологии и т.д.
3. Были сформулированы способы трансформации современной эстетики с учетом парадигматических сдвигов, вызванных эпохой антропоцена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Вернадский В.И.* Очерки геохимии. М.: Наука, 1983. 422 с.
2. *Гёте И.В.* О Лаокооне // *Гёте И.В.* Об искусстве. М.: Искусство, 1975. С. 129–141.
3. *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
4. *Малабу К.* Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C Press, 2019. 112 с.
5. *Маргелис Л.* Роль симбиоза в эволюции клетки. М.: Мир, 1983. 352 с.
6. *Харауэй Д.* Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы / Пер. Е. Костылева, Л. Агамалова // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 237–271.
7. *Barad K.* Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs // Journal of Women in Culture and Society*. 2003. Vol. 28. No. 3. P. 801–831.
8. *Bookchin M.* Second Nature. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-second-nature> (дата обращения: 06.08.2022).
9. *Bookchin M.* Toward an Ecological Society. Montreal: Black Rose Books, 1980. 315 p.
10. *Crutzen P.J.* The «Anthropocene» // *Ehlers E., Krafft T. (eds.) Earth System Science in the Anthropocene*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. P. 13-18.
11. *Davis H., Turpin E.* Art & Death: Lives Between the Fifth Assessment & the Sixth Extinction // *Art in the Anthropocene. Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies / Eds. H. Davis, E. Turpin*. London: Open Humanities Press, 2015. P. 3–31.
12. *Deichmann U.* Epigenetics: The origins and evolution of a fashionable topic // *Developmental Biology*. 2016. Vol. 416. P. 249–254.
13. *Halliwell S.* The Aesthetics of Mimesis. Ancient Texts and Modern Problems. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002. 424 p.

14. *Haraway D.J.* Symptoiesis: Symbiogenesis and the Lively Arts of Staying with the Trouble // *Haraway D.J.* Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene. Durham, London: Duke University Press, 2016. P. 58–98.
15. *Latour B.* On a Possible Triangulation of Some Present Political Positions // *Critical Inquiry* Winter. 2016. Vol. 4. P. 7-9.
16. *Lawtoo N.* The Plasticity of Mimesis // *MLN* (Comparative Literature Issue). 2017. Vol. 132. No. 5. P. 1201–1224.
17. *Liboiron M.* Pollution is Colonialism. Durham, London: Duke University Press, 2021. 197 p.
18. *Malabou C.* Can We Relinquish the Transcendental? // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2014. Vol. 28. No. 3. P. 242–255.
19. *Malabou C.* The Future of Hegel. Plasticity, Temporality and Dialectic. London, New York: Routledge, 2005. 296 p.
20. *Malabou C., During L.* The Future of Hegel: Plasticity, Temporality, Dialectic // *Hypatia*. 2000. Vol. 15. No. 4. P. 196–220.
21. *Malabou K.* The Brain of History, Or, the Mentality of the Anthropocene // *South Atlantic Quarterly*. 2017. Vol. 116. № 1. P. 39–53.
22. *Povinelli E.* Geontologies: A Requiem to Late Liberalism. Durham, London: Duke University Press, 2016. 218 p.
23. *Reed P.* The End of the World and Its Pedagogies // *Making & Braking*. 2021. No. 2. URL: <https://makingandbreaking.org/article/the-end-of-a-world-and-its-pedagogies/> (дата обращения: 14.02.2022).
24. *Rossiter M.C.* Incidence and consequences of inherited environmental effects // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1996. Vol. 27. P. 451–476.
25. *Shiva V.* Who really feeds the world? The failures of agribusiness and the promise of agroecology. Berkeley, California: North Atlantic Books, 2016. 196 p.
26. *Spivak G.C.* Imperative to Re-Imagine the Planet // *Spivak G.C.* An Aesthetic Education in the Era of Globalization. London: Harvard University Press, 2012. P. 335–351.

27. *Subramanian M.* Humans Versus Earth // Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02381-2> (дата обращения: 20.05.2022).
28. *Yusoff K.* Epochal Aesthetics: Affectual Infrastructures of the Anthropocene. URL: <https://www.e-flux.com/architecture/accumulation/121847/epochal-aesthetics-affectual-infrastructures-of-the-anthropocene/> (дата обращения: 02.12.2021).